

Мария де Сад

18+

ТЕРРИТОРИЯ
НАСИЛИЯ

Мария де Сад

Территория насилия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63943816

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-97849-2

Аннотация

База, куда мы летим, находится посреди океана, поэтому путешествие будет долгим. Я держу за руку Киру и прижимаюсь к Дмитрию. В голове у меня полная сумятица. Меня то охватывает радостное ожидание начала новой жизни и надежда на возвращение нормального общества, то, буквально через секунду, воображение рисует всякие ужасы, ожидающие нас на базе, и мне хочется, чтобы вертолет рухнул, и все закончилось. Будущее обнадеживает меня, но и бесконечно пугает.

Содержание

Рестарт с грязного листа	4
Изнасилование мародерами	9
Последние запасы	16
Эксперименты	24
Лекарство найдено	32
Обещанный переезд	42
Игры с вибратором	51
Жуткая жизнь	59
Медбрат	66
Наше потайное место	74
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Мария де Сад

Территория насилия

Рестарт с грязного листа

Наконец-то беспощадная война между теми, кому удалось выжить после опустошительной эпидемии, подошла к концу. Мы с сестренкой выжили каким-то чудом. Но теперь я даже не могу сказать: повезло нам или, наоборот, не повезло. Все так запутано.

Сейчас родной город выглядит так, будто пережил атомную бомбардировку, хотя на самом деле бомбежек не было. Все здания и коммуникации вдохновенно крушили сначала протестующие, потом нацгвардия, умиряющая протестующих. Потом, когда власти пытались раздавать гуманитарную помощь, начались полномасштабные сражения в очередях. Вооруженные до зубов получатели помощи (настоящих голодающих, таких как я с Кирой, среди них не было) штурмовали пункты раздачи, а раздающие помощь отвечали шквальным огнем.

Потом наступил полный хаос. Озверевшие от страха люди громили магазины, врвались в квартиры – каждый тащил все, что только мог, и насиловал, кого только мог. По улицам бродили банды мародеров и дезертиров. Между ними тоже

то и дело вспыхивали перестрелки.

Родители умерли еще в начале эпидемии, и мы с Кирой просто сидели в нашей квартире, не зная, что предпринять.

Мертвая мама лежала на кровати в спальне. Отец, пока у него еще были силы, одел ее в красивое платье. Сам он умер за столом в кухне. Мы не смогли перетащить его тело к маме, но во время попыток сдвинуть его с места, мы уронили труп на пол. Там он и лежал.

Я и Кира смогли выжить во время хаоса благодаря нашему коту Барсику. Сам он пропал в первые дни эпидемии, когда еще никто толком ничего не знал. Просто вышел погулять, как он обычно это делал, и не вернулся. Но у нас остался большой запас его Вискаса в пакетиках. Им мы с Кирой и питались, когда родители уже умерли, а свет отключили. Воду тоже отключили, но погода была дождливая, и я собирала дождевые капли в ведро, выставленное на балкон.

Несколько раз к нам в квартиру вламывались мародеры. Мы успевали спрятаться под кроватью, на которой лежала мертвая мама. Мы хорошо понимали, что нужно прятаться и сидеть тихо как мышь. Потому что слышали ужасные звуки, когда мародеры вломились в соседнюю квартиру.

Наверное, я никогда не забуду этот крик. Дольше всех кричала Нина, моя подруга. Сначала я даже узнавала ее голос – она умоляла не убивать мать. А потом ее крик превратился в какой-то дикий рев, в котором уже не было ничего человеческого.

Этот рев продолжался около часа. Потом он стих, и мы с Кирой слышали только грохот передвигаемой мебели и перебранку мародеров.

Они вынесли из квартиры большой телевизор, компьютер Нины, какие-то мешки (наверное, с провизией) и тела, завернутые в окровавленные простыни. Я все это видела, осторожно выглядывая из окна. Тогда я еще не знала, для чего они забирают с собой трупы. О том, что теперь в нашем мире процветает канибализм (и не просто процветает, а человечина стала основным мясом на черных рынках), мы узнали чуть позже.

После того как мародеры разграбили соседнюю квартиру, Кира почти перестала разговаривать. Просто сидела на полу в углу, подтянув колени к подбородку, и смотрела перед собой немигающими глазами.

Но когда мародеры вломились к нам, она быстро среагировала, и мы успели незаметно прошмыгнуть под кровать.

Мы сидели, стараясь не дышать, слушали, как бандиты громят нашу квартиру и переговариваются друг с другом.

– Здесь уже, похоже, все передохли!

– Баба уже совсем протухла?

– Да, с бабы уже ничего не поимеешь. Этот козел закутал ее, и она в своем тряпичном гробу совсем раскисла. Один гнойный кисель остался.

– Да, ты не суй рыло-то близко! Сейчас надышишься, и сам сгниешь!

– А мужик-то, вроде, еще ничего. Ягодицы, пожалуй, можно взять. Видать, недавно сдох.

– Руки тоже нормальные. А ты смотри – он же не заразился гнилушкой. Видишь, на нем гнойных пузырей нет. Наверное, инфаркт его разбил.

– Черт-те что! Вседохнут от гнилушки, а эта интеллигентская морда, видите ли, от благородного инфаркта.

– Ладно! Нам же лучше, мясо слаще! Давай топорик!

– Гляди, какой стояк у трупешника знатный! Колян, тебе так слабо даже после пачки виагры!

Бандиты дружно загоготали.

– Удивительно, как это он так долго пролежал и не протух?

– Ну, не совсем не протух! Но для базара сойдет. Перца побольше добавим, в уксусе замаринуем, и пойдет за милую душу.

– Башку тоже забирай, черепушку выварим. Я знаю одного чувака, он из этих черепушек кубки делает. Богатеи покупают.

– У бабы тоже башку брать?

– Не. Ее не подойдет. Слишком давно сдохла. Да и лицо у нее видно – один большой пузырь был. Значит, у нее уже гнилуша кости все раскрошила. Этот чувак говорит, что нужны черепушки либо здоровых, либо тех, кто совсем недавно умер, и то, если у них гнойных пузырей на башке нет. Иначе кости крошатся как мел.

– А ведь у этих двоих девчонки должны быть – видишь, куклы и другая девчачья хрень везде. Да и мужик прикрытый лежал. Колян, посмотри по шкафам, может, где прячутся!

– Не-а! Нет никого. Наверное, убежали, когда папашка откинулся.

– Ну и хрен с ними! Мы тут и так неплохо отоварились. Хороший папашка, мясистый!

Изнасилование мародерами

Когда мне показалось, что они уже вышли из квартиры, я приказала Кире сидеть тихо, а сама вылезла посмотреть. Не надо было этого делать. Как говорится, любопытство сгубило кота...

До сих пор я считала, что все страшное с нами уже произошло и ничего хуже быть не может. Особенно пока мы прячемся в своей квартире. Однако это было не так.

Я хотела посмотреть, что эти скоты взяли из нашей обители, а также поскорее прикрыть тело отца, пока сестра не увидела то, что мародеры натворили. Хватит с нее стрессов, она еще слишком маленькая, чтобы такое видеть.

В спешке и буре эмоций, захлестнувших меня в тот момент, я и не думала, что люди могли находиться здесь. А узнать стоило.

Компания, проводившая время в нашей квартире, представляла собой шайку гниющих воров, что ли. Они все были со своими проблемами и причудами. Кто знал, что они задержатся у нас в гостях и будут сидеть на кухне так незаметно?

– Ого! Посмотрите-ка, кого сюда принесло! – услышала я возглас и попятилась назад.

– Погоди-погоди! Куда это мы собрались?! – закричал тот, у которого почти не было носа, а все лицо было похоже на

месиво.

– Девка! Настоящая! Живая! Уже столько времени не видел молодых девок!

– Да я вообще баб давно не видел! – слышалось со всех сторон.

У меня перехватило дыхание. Эти твари окружили меня, а я от страха онемела, не в силах сказать ни слова.

– Сосать умеешь? Что вылупилась? – заржал тот, что выглядел постарше всех.

Темный, взъерошенные волосы, горящие глаза. Он единственный был не сильно тронут болезнью, но это всего лишь вопрос времени. Все они в итоге пострадают от болезни, это я знала точно.

– Колян, да на кой тебе ее умение сосать? Давай просто трахнем ее, я уже черт знает сколько не трахался! Бабу хочу, сил нет!

– О, да! – изо рта Коляна потекли слюни. Меня чуть не вырвало от этого зрелища. В сторону разделанного трупа папы я старалась даже не смотреть, однозначно стошнило бы.

И вот, один из мерзавцев двинулся ко мне. В этот момент я словно очнулась:

– Пожалуйста, не трогайте меня!

– Она еще и говорить умеет! – засмеялся Колян и тоже подошел ко мне и схватил на подбородок. Я зажмурилась, от мужчин исходил такой смрадный запах, что у меня скручивало желудок снова и снова.

– У тебя уже были мужчины? – спросил Колян.

– Нет... – отозвалась я, надеясь, что он пощадит меня.

Затем началось что-то совсем невероятное, трое мужчин одновременно начали лапать меня, а я закричала в беспмятстве, надеюсь, что может кто из соседей, сидящих в засаде у себя на квартирах, услышит и прибежит на помощь. Наивная....

Но в такие минуты всегда надеешься на чудо. Выскользнув из рук раздевающихся мужчин, я побежала в сторону коридора, чтобы выскочить из квартиры. Внезапно меня кто-то схватил за ногу. Я не успела обернуться, как тут же почувствовала резкую боль от удара.

Их было пятеро. Среди них я не заметила того, кто только что два раза спустил в меня содержимое своих яиц. Они окружили меня, трогая и оскорбляя. Меня ужасали их слова, сказанные в мой адрес. Вскоре я почувствовала удары, прилетавшие с разных сторон. Много, но не сильные. Один из них подошел спереди и, не дав издать ни единого звука, засунул свой член в мой рот. Его движения нарастали с каждой секундой, а стоны становились все громче.

Четверо остальных времени зря не теряли. Я чувствовала их руки, охватившие меня сзади. Одна пара рук жадно шупала зад, раздвигая ягодицы. Вторая игралась с промежностью. Пальцы одной руки медленно входили и выходили из меня, а кто-то из мужчин игрался с клитором. Я начала отчаянно дергаться, пытаюсь отползти от них. Но две резких

пощечины пресекли попытку бегства.

– Давай сначала ты. – Один из мучителей подал голос сзади.

Я услышала, как кто-то плюет на руку и начинает смазывать мой узкий зад. Резкая боль заставила потемнеть в глазах. Задний проход разрывался. Но даже закричать не было возможности – первый из троих вошедших, все еще издевался над моих горлом.

Это был настоящий ад. Никогда не думала, что близость с мужчиной может быть такой болезненной. Боль туманила разум, я не чувствовала ни возбуждения, ни наслаждения от происходящего. Через пару мгновений боль начала затихать. Ворвавшийся в задний проход остановился, дав мне немного привыкнуть.

– Ничего себе. Какая ты узкая шлюшка.

Он все еще не двигается. Что еще? Обернуться посмотреть нет возможности. Первый крепко держит за уши и все глубже и глубже насаживает на свой член мой несчастный рот. Он двигается медленно, с наслаждением наблюдая за тем, как тот полностью скрывается у меня во рту. Ладно, не все так уж и плохо. Тот, что стоит сзади начал медленное движение. Волна отвращения вновь наполнила меня. Тошнота вернулась и стала, кажется, в два раза сильнее.

Мне казалось, что я потеряю сознание. Но отключиться от происходящего мне не дали – снова режущая боль сзади. Выйдя почти полностью, мужчина вогнал свой член на

всю длину и снова замер. Через секунду снова движение, он ускоряется, принося с каждым толчком новую порцию боли, ставшую уже такой невыносимой. Я чувствую, как меня безжалостно рвут.

Боль постепенно отошла на задний план. Я уже не кричала, а только молилась, чтобы они не нашли Киру. Нельзя допустить, чтобы они проделали все тоже самое с ребенком.

– Нравится? Грязная шлюха. А ну-ка, Серый, давай к нам.

Тот, что стоял спереди, вышел из моего рта, позволяя остальным поменять мою позу. Один лег на кровать и подставил член. Двое усадили меня задом. Лежащий снизу заставил меня полностью лечь на свое вонючее тело, и схватился за мою грудь. Второй запрокинул мне голову, желая тоже получить минет.

Колян пристроился спереди разрабатывая пальцами промежность. Когда двое предыдущих были готовы, он вставил свой стоящий как камень член в мою узкую промежность. Все трое начали двигаться, доставляя мне невообразимую боль.

– Твою мать, как же классно. – Стоявший у головы ускорился, приближаясь к пику.

Двое других не отставали от темпа и тоже, кажется, уже готовы были кончить. Пара мгновений, и я почувствовала мощную струю спермы наполняющую мой рот.

Еще немного и двое снизу также опустошают свою яйца в меня. Я чувствую содрогание трех членов в моем теле. Нет

сил встать, я падаю на пол, корчась от боли.

Медленно разум возвращает способность мыслить. Что это было? Где я? Меня только что изнасиловали мародеры-извращенцы? Внезапно на кухню снова вошли люди. Сколько их там? Один из них схватил меня за волосы и поставил на колени перед собой. Перед моим лицом предстал очередной член. И снова я вынуждена была терпеть эти издевательства. Не знаю, сколько раз я пыталась сдерживать рвотные позывы. Желудок был абсолютно пустой, и кроме слюней и спермы подонков, из меня ничего не могло выходить, но меня продолжало отчаянно выворачивать, причиняя тем самым мне жуткую желудочную боль.

Я увидела, как вошедшие выстраиваются в очередь и, лаская себя, терпеливо ждут свой черед.

В этот момент меня охватило отчаяние, я поняла, что это может продолжаться вечно. Они подходят, ставят раком, трахают в зад, в промежность, снова опускают на колени и, крепко схватив за волосы, заставляю заглатывать. Сколько их еще? Вот снова я лежу на спине, принимая очередную дозу спермы в себя. Какой это уже по счету пятнадцатый? Двадцатый? Я сбилась со счета. Наконец движение прекратилось.

Какой-то старик остановился, вливая в меня все, что осталось в его яйцах. Он наклонился, шепотом рассказывая, как ему нравится иметь таких шлюшек, как я.

А у меня в этот момент было только одно желание. Сдох-

нуть. И еще попить бы. Наконец он встает, одевается и выходит, оставляя меня саму с собой в пустой кухне с истерзанным трупом моего отца.

Последние запасы

Мне не верилось, что все закончилось. Эта твари ушли, оставив после себя полнейший разгром и искромсанное туловище отца на полу кухни.

Сестра выползла из-под кровати и заглянула на кухню. Я сразу же поспешила встать и преградить ей дорогу. Закрыла глаза Киры ладонью.

– Не смотри! Здесь не на что смотреть! – прошептала я, и потащила ее в другую комнату. – Сиди здесь, пока я не позову!

Киру не нужно было упрашивать. Она метнулась в угол и села там на полу в своей ставшей уже привычной позе, подтянув колени к подбородку.

Согнувшись в три погибели, я пошла в спальню. Все тело болело, ощущение было такое, что меня переехал трактор. В спальне меня ждал сюрприз, бандиты сдернули покрывало с тела мамы, и передо мной открылось ужасное зрелище, от которого сжалось сердце, а к горлу подкатил ком. Наверное, если бы я не была так голодна, меня бы вырвало прямо на пол.

Мама умерла от гнилушки – так в народе прозвали болезнь, буквально за пару месяцев разрушившую наш привычный мир; у нее было какое-то длинное научное название, но все называли ее “Гнилушка”.

У заразившихся сначала на теле появлялись пузырьки, наполненные гноем, потом они разрастались до размера яблок, тело распухало, кости размягчались, и человек умирал.

Во время болезни от страдальцев исходил жуткий запах гнилых овощей, отсюда и название – Гнилушка. Болезнь протекала стремительно. Некоторые мучились несколько дней, но большинство умирало через 5-6 часов после появления первых гнойных головок.

Но были и такие «счастливыцы», которые медленно покрывались гнойными волдырями. Они оставались живы, но из-за деформации размягченных костей превращались в настоящих монстров, истекающих гноем и распространяющих вокруг себя жуткую вонь гнилого лука. Это называлось хронической сифилисоподобной формой течения болезни.

Особенно быстро гнилушка уничтожала женщин и детей. Говорили, что это из-за низкого уровня тестостерона в крови. Когда впервые пустили этот слух, цены на спортивные добавки с тестостероном взлетели выше цен на золото.

Одно время на черных рынках этими добавками даже расплачивались вместо денег. Но довольно быстро выяснилось, что эффекта от них очень мало, и что принимающие их почти так же уязвимы, как и все прочие. Цены резко упали, но все равно тестостерон продолжал довольно хорошо цениться.

В начале эпидемии по телевизору рассказывали, что во всем виновата трансгенная соя с геном саранчи. Какие-то

обитающие в почве безвредные бактерии, близкие родственники вызывающих сифилис бледных трепонем, питаюсь этой соей, внезапно мутировали и приобрели неслыханную устойчивость и агрессивность.

Началось все, как водится, в Китае. Но не помогли ни эмбарго, ни локдауны, ни уничтожение миллионов тонн урожая, ни концлагеря для зараженных.

Более того, некоторые ученые утверждали, что сжигание громадных количеств зараженной бактериями гнилушки сои как раз и привело к быстрому распространению болезни, потому что бактерии оказались сверхустойчивы не только к пестицидам и антибиотикам, но и к высоким температурам. Они просто разлетались вместе с дымом по белу свету.

Я смотрела на то, что осталось от маминого тела. Сейчас оно представляло собой какую-то творожистую массу, как бы политую мутно-зеленым киселем. Из этого месива тут и там торчали обломки костей.

Сначала я хотела аккуратно прикрыть ее новым покрывалом, но потом подумала, что если придут другие мародеры, они догадаются, что здесь кто-то есть, раз разложившийся труп не валяется как попало. И меня ждет снова веселая ночь...

Глядя на то, что осталось от матери, меня буквально душили слезы, все тело сотрясала дрожь. Ради Киры я пыталась еще хоть как-то держаться, но после такого зверского изнасилования подонками, меня просто разрывало на части.

– Боже! За что? Я не хочу с этим жить! – прошептала я, лежащей на кровати и уже не способной меня защитить, матери.

Почему-то мне казалось, что она все равно где-то рядом и может меня услышать. Сможет дать какой-то знак, что мы с сестрой не одиноки в этом мире.

– Это я во всем виновата! Зачем я вылезла? Знала ведь, что нужно было еще подождать, почему я не послушалась внутреннего голоса?

Боль от разрывов в промежности и заднем проходе заставляла меня возвращаться снова и снова в тот момент, когда меня насиловали.

Бросив взгляд на зеркало, я ужаснулась: вот это чучело! Все лицо зареванное, а на теле местами видны синяки от побоев. Голову эти козлы мне, кажется, разбили, видна засохшая кровь.

Они сказали, что придут еще. Это я точно запомнила. Значит, оставаться здесь надолго опасно. Но что же нам делать? Нам просто некуда идти!

Один из них предлагал взять меня с собой, но Колян возразил и сказал, что они “на службе”. Это меня и спасло. А может и нет. Если бы они меня убили, то мне не пришлось бы сейчас мучиться и решать вопросы, которые обычно решают взрослые люди.

– Нет, я не сдамся! Я плохая сестра, раз допустила подобное, не позаботилась о Кире и ее безопасности! Больше та-

кого не повториться! Мамочка, я обещаю тебе, мы выживем! Я найду для Киры достойное место, где ей не будут угрожать подобные ублюдки!

От этих слов стало намного легче, но передо мной теперь стоит задача: выжить любой ценой.

А теперь, пришло время прощаться с матерью. Оглядев комнату, я тут же смекнула, как можно спрятать тело. Я подошла и с силой дернула за тяжелую портьеру, сорвала ее вместе с карнизом и бросила на кровать.

Так будет выглядеть максимально естественно, что кто-то из мародеров сделал это.

Когда тяжелая золотая парча накрыла тело, раздался тошнотворный хруст разъеденных гнилушей костей. Теперь комната выглядела как обычное место, где похозяничали вандалы, но мамин труп был скрыт от глаз.

На кухне было еще более ужасное зрелище. От папиного тела осталось только туловище. Хуже всего было то, что подонки сорвали с него всю одежду, когда отрубали части. Я стояла, тупо уставившись на раздутые гениталии трупа. Почерневший пенис стоял торчком, с него свисали лохмотья лопнувшей кожи.

«Если я прикрою и папино тело, – подумала я, – то новые мародеры точно догадаются, что в доме есть кто-то живой». Нет, делать этого нельзя. Остается только одно – больше не заходить на кухню. Да и что там делать? Воды нет, газа нет, электричества нет, холодильник давно пустой стоит.

Затем я подошла к ящику в коридоре, где был наш запас Вискаса. Оказалось, что бандитов он не заинтересовал, и все пакетики были на месте.

– Никогда больше не заходи на кухню, поняла? – сказала я Кире.

Она кивнула.

– Зачем бандиты утащили телевизор и ноутбук? – спросила Кира. – Ведь больше нет ни электричества, ни Интернета.

– Не знаю. Может, у них где-то есть, – ответила я. – Смотри, они и диски с фильмами тоже забрали. Значит, у них где-то есть электричество.

Но Кира больше не отвечала. Она опять забилась в угол и закрыла глаза. Я понимала, что она все слышала, но мне нечего ей было сказать. Да и какой смысл обсуждать это?

Через несколько дней к нам вломилась другая группа мародеров. Эти ушли быстро. Взять у нас было больше нечего. Они, мерзко сквернословя, зачем-то долго пинали остатки трупа папы, нагадили на стол, и ушли, забрав весь наш запас Вискаса.

Пока я раздумывала, что нам теперь делать, Кира по своему обыкновению сидела, забившись в угол. Вдруг она сказала:

– Когда я умру, я хочу, чтобы ты съела мое мясо.

– Не говори глупости! – закричала я.

– Это не глупости, – спокойно ответила Кира. – Сейчас все так делают. Сейчас так принято.

– Не буду я тебя есть! – ответила я, почувствовав приступ тошноты. Подумать только, до чего же мы все-таки дошли! Моя маленькая сестренка говорит мне такие вещи вот так, спокойно, как ни в чем не бывало.

Я с опаской посмотрела на нее, видимо все происходящее здорово повредило ей детскую не сформировавшуюся психику.

– Ну и зря. Не ты, так другие съедят, – равнодушно ответила Кира и замолчала, уставившись перед собой пустыми глазами. Через некоторое время она посмотрела на меня и сказала:

– И я тебя есть не буду.

– Это почему же? – ехидно спросила я. – Ты же говоришь, что теперь так принято. Значит, можно есть.

– Можно. Но я без тебя жить не хочу. Да и не получится у меня. Ты сильная, а я нет, – и опять замолчала, уткнувшись подбородком в подтянутые к груди колени.

В этот момент я поняла, что все случившееся со мной, можно пережить, а вот потерю сестры – нет. Она единственное близкое мне существо, и ради нее я должна жить. Мне нельзя заикливаться на себе, жалеть себя. Нужно спасать и оберегать ее.

Мое тело постепенно заживало, я уже не чувствовала сильной боли, хотя в моей душе до сих пор оставалась сильная боль, и она никак не желала проходить.

Все так внезапно свалилось на нас... И я каждый день

ждала, когда эта чертова бригада насильников вернется за мной. На этот раз они точно заберут меня к себе. А там просто затрахают до смерти. Это определено. А потом еще и съедят. Надеюсь, не заживо.

Да, перспектива не привлекательная. Но что же делать? Куда идти? Сейчас на улице гораздо опаснее. Остается надеяться, что нам удастся спрятаться, либо этих уродов перебьют где-нибудь, пока они будут грабить квартиры.

Эксперименты

А на следующий день пришли солдаты. В защитных костюмах они были похожи на каких-то космических пришельцев. Нас быстро обнаружили, вытащили из-под кровати, осмотрели, заставили дышать в какие-то трубки с мигающими лампочками. Меня сразу признали «годной», а насчет Киры некоторое время посоветовались и решили, что она тоже «сойдет». После этого нас повезли на базу.

Когда мы проезжали мимо палисадника перед нашим домом, я увидела наш разбитый телевизор. Он валялся на тротуаре, а рядом с ним лежал труп светловолосого мужчины с простреленной головой.

У меня внутри все возликовало. Так этому убудку и надо! На миг во мне снова проснулось давно забытое чувство, что мир справедлив, и что так сверху, кто-то наблюдает за нами и обязательно возраст всем негодьям по заслугам!

Но эта мысль сразу же угасла. Нет справедливости в нашем новом мире. Как нет и надежды. Я усмехнулась, для этого козла уж точно нет теперь никакой надежды.

Пуля почти полностью снесла мертвецу верхнюю часть черепа, и мозги выплеснулись на тротуар. Сейчас вокруг дыры, зияющей в голове, собралась стайка галок. Они деловито перекликались друг с другом, лениво поклеывая мозг.

Вообще за время эпидемии, из-за обилия мясной пищи,

все городские птицы ужасно разжирили и обзавелись роскошными перьями. Эти галки тоже переливались в лучах солнца радужным блеском, подобно нефтяным пятнам на асфальте.

Гнилушка совершенно не действовала ни на птиц, ни на кошек, ни на собак. А вот мышей и крыс она убивала миллионами, как и людей. Еще когда действовал Интернет, мне попадались статьи, в которых говорилось, что это все из-за сходства нашего генетического кода.

Я печально посмотрела на разбитый телевизор и на труп рядом с ним. Интересно, это Колян, или их главный, который велел забрать папину голову, чтобы отдать ее чуваку, делающему из черепов кубки для богатеев? И что здесь произошло? Неужели они не поделили телевизор? Да какая в сущности разница! Я крепко прижала к себе Киру.

Когда мы приехали на базу, я ужасно боялась, что сейчас нас с Кирой разделят. Но нет. Нас даже поселили в одной комнате.

Начались бесконечные и довольно мучительные медицинские тесты. В конце концов нам объявили, что я абсолютно здорова, а Кира – бессимптомный носитель, что очень и очень удивительно, и что мы с ней чуть ли ни надежда для человечества.

Из нас постоянно выкачивали огромное количество крови. Но нас очень хорошо кормили (даже дали анкету, в которой нужно было отметить все свои любимые блюда), у нас

были уютные комнаты, чистая одежда.

Кира боялась оставаться одна, поэтому я попросила, чтобы нам разрешили жить в одной комнате. Нам дали такое разрешение, и установили в моей комнате еще одну кровать. То есть, у Киры было как бы две комнаты.

Когда самые мучительные тесты закончились, нам в комнаты установили по телевизору с DVD-проигрывателем и выдали кучу дисков с какими-то глупыми, грубо нарисованными мультиками.

Честно говоря, смотреть совсем не хотелось, но похожий на Айболита психолог сказал, что это положительно скажется, на нашем психическом здоровье. По сути это был приказ смотреть.

У этого психолога я видела в кабинете на полке среди других красивых сувениров великолепный серебряный кубок, украшенный красными и зелеными камнями. Чаша кубка была сделана из какого-то материала, похожего на слоновую кость. Во время обязательных бесед с этим Айболитом-мозгоправом я не могла глаз оторвать от этой вещицы. А вдруг это часть черепа моего папы?

Киру терзали всякими медицинскими тестами даже больше, чем меня. Постепенно из обрывков разговоров персонала базы мы узнали, что для женщин бессимптомное носительство гнилушки совершенно нетипично. Они либо вовсе не заражаются, как я, либо очень быстро умирают как мама. Но Кира была заражена, и при этом совершенно здорова. Это

их очень интересовало, и они постоянно брали у нее кровь и костный мозг на анализы, зачем-то сделали биопсию почек и груди. Все это было ужасно неприятно.

Хуже всего были эксперименты. Правда, их довольно быстро прекратили, но ужасная память от них останется на всю жизнь.

Кто-то из племянников большого начальства писал диссертацию на тему: насколько опасны бессимптомные носители. И в качестве доказательной части своего научного труда он решил взять не общеизвестные факты о том, что происходило за воротами базы, а то, что было получено в ходе экспериментов.

Для этого они ставили в экспериментальной лаборатории кровати с малышами, которые еще и ходить-то не умели (это была самая восприимчивая к инфекции группа), приводили туда Киру и устанавливали дистанцию. Когда на коже у малышей появлялись первые волдыри (это происходило через несколько часов), эксперимент заканчивался, и Кира возвращалась в свою комнату.

Когда начались эти чудовищные эксперименты, Кира, которая начала было оживать после приезда на базу, опять перестала говорить и опять все время проводила скорчившись в углу.

Я ужасно боялась за ее рассудок, обращалась с просьбами ко всему медицинскому персоналу, чтобы это прекратили, но меня, разумеется, никто не слушал. А похожий на Айбо-

лита психолог, в ответ на мои слезные мольбы, прочитал мне лекцию о важности доказательной медицины, и чем она отличается от базарных сплетен.

В этой лекции было очень много умных слов и длинных научных терминов, но все сводилось к тому, что эксперименты будут продолжать, потому что нужно построить график зависимости времени начала проявления заболевания от дистанции, на которой находится носитель инфекции. Эти данные необходимы для практической части диссертации, которая поможет найти лекарство от болезни, бла-бла-бла.

Я сидела, уставившись на великолепный костяной кубок, слушала надменное наукообразное болтание и беззвучно плакала от страха, ненависти и бессилия. Вдруг мне захотелось спросить у «Айболита», а знает ли он, что его любимая безделушка сделана из человеческого черепа?

Но прежде чем первые слова успели сорваться с губ, мне удалось подавить этот порыв отчаяния. Вот спрошу я его, и что? Какой реакции от него можно ожидать? Неужели он, услышав вопрос, вдруг осознает всю мерзость происходящего, раскается и бросится помогать спасать гибнущую цивилизацию, вместо того чтобы продолжать втоптывать ее остатки в грязь?

Нет, конечно. И к тому же, он и без моих слов прекрасно знает, из чего сделан этот «интерьерный сувенир». Прекрасно знает. Именно потому и купил.

Возможно, даже специально тайно выходил за ворота ба-

зы, чтобы сбегать в гнусную мастерскую. Наверняка, еще и свежей человечины там прикупил, чтобы разнообразить военное меню, состоявшее из консервов и концентратов.

Монотонные «научные» слова все гудели у меня над ухом, как назойливые комары, я тем временем представила себе, как психолог-Айболит жарит стейк из мягкой «длинной свинины», а потом ест его, запивая вином из кубка, сделанного из человеческого черепа. Небось воображает себя при этом доктором Лектором или Воландом.

Хотя, с его отвисшим брюшком (белый халат на нем всегда был натянут так туго, что, казалось, сейчас пуговицы оторвутся и брызнут в разные стороны, как пули), с лысиной, обрамленной жиденькими седенькими волосиками, с его носом-картошкой и раздутыми не то от артрита, не то от подагры пальцами – он совершенно не тянул ни на Воланда, ни на Ганнибала Лектора. Наверное, потому-то он и выбрал для себя маску Айболита.

От этих мыслей меня так замутило, что к горлу подкатил недавно съеденный завтрак. Невероятным усилием воли мне удалось подавить позыв на рвоту. С одной стороны было бы неплохо наблевать Айболиту на пол, а еще лучше на его физиономию с застывшим на ней покровительственно-всепонимающим выражением. Но если я это сделаю, он обязательно мне как-нибудь отомстит. Мне и Кире. И для этого у него есть множество куда более действенных способов, чем моя маленькая месть.

А может быть, вцепиться ему сейчас в рожу и выцарапать глаза? Он так увлечен своей лекцией, так открыто считает меня презренным ничтожеством, что совершенно не ожидает нападения.

Когда прибежит охрана, и меня скрутят, он будет уже слеп. Слеп на всю жизнь. Прощайте кубки из черепов, прощайте сладкие, нежные бифштексы из человечины, здравствуй, нищая пенсия!

А может быть, со слепцом не стану нянчиться в военное время, а просто вышвырнут за ворота, и уже к вечеру “чувак” сделает из его черепа новый кубок, а из жирных ляжек нарубят бифштексов и антрекотов?

Эта мысль мне так понравилась, что я вся подобралась для решающего броска. Но тут же подумала о Кире. Без меня она точно не выживет.

Оставалось только одно: сидеть, кивать, стараться ничем не выдавать своей ненависти и надеяться, что как-нибудь удастся пережить этого мини-тирана.

Да, выживание – это самая сладкая месть любому мучителю. Пережить его, плюнуть на его могилу и жить дальше, как порядочные люди. Но как же это трудно и гадко. И как узнать, где проходит последняя черта? Как узнать, что тебя тащат не в газовую камеру (когда уже нужно постараться хотя бы хворной вонью залепить в рожу мучителей), а всего лишь ведут на очередной тест, который нужно, стиснув зубы, вытерпеть и выживать дальше?

Когда я вернулась в комнату, Кира сидела, скорчившись в углу, и тупо таращилась перед собой.

– Кира, – позвала я.

Нет ответа.

– Кира, поговори со мной.

Нет ответа.

– Кира, хотя бы посмотри на меня. Я не могу так больше.

Я не выдержу.

Кира медленно, с усилием повернула голову и посмотрела на меня безжизненными глазами.

– Прости меня, – еле слышно прошептала она.

Я села рядом с ней, скорчилась, как она, и заплакала.

Так мы и просидели до самого отбоя.

Лекарство найдено

Не знаю, чем бы закончилось все эти эксперименты с Кирой и младенцами, но через несколько дней на базу вдруг прислали нового главного врача, и все внезапно прекратилось.

Психолог-Айболит тоже куда-то запропастился. Персонал шептался, что начальник проворовался и был арестован, а его племянника тут же выгнали из института. Теперь все его научные программы свернуты, и его помощников кого перевели на другие базы, а кого и выгнали за ворота. Я очень удивлялась: неужели где-то еще есть институты, в которых пишут диссертации? Но, видимо, где-то они еще действовали. И еще я очень надеялась, что среди выгнанных оказался и Айболит.

Кроме нас с Кирой на базе было еще несколько женщин, с которыми проводили исследования. У нас постоянно брали много крови, плазмы, даже спинномозговой жидкости (это было самое мучительное).

И вот однажды весной нас всех собрали в актовом зале и объявили, что исследования наконец-то увенчались успехом, и на основе нашей крови создано уникальное лекарство. Оно не может полностью излечить болезнь, но может останавливать ее и не давать развиваться. То есть, заболевший человек будет в безопасности до тех пор, пока будет прини-

мать лекарство.

В зале началось ликование, потому что мы думали, что сейчас нас отпустят, и мы вернемся к нормальной жизни. Но вместо этого нам объявили, что теперь мы все являемся национальным достоянием, нас берут под круглосуточную охрану (как будто до этого мы не были и под охраной, и под замком), сдача крови становится нашей почетной обязанностью, и мы должны отнестись к этому с пониманием.

Радость была сильно подпорчена. Вернее было бы сказать, что она сменилась безысходностью. Я поняла, что выйти из-под замка удастся нескоро. Но Кира меня постаралась утешить:

– Сама подумай, а что бы мы стали делать, если бы нас отпустили – вернее, выгнали с базы? Куда бы мы пошли? На улицу, где полно мародеров? А так, мы, вроде как, очень важные персоны. Да и не вроде, а точно.

– Типа есть такая профессия – кровь сдавать? – мрачно спросила я.

– Ну, вроде того. И ведь лекарство они делают настоящее. Значит, кого-то мы спасаем, потому что сидим здесь и едим этот арахис. Как же он мне уже надоел! Глаза бы на него не смотрели!

Нам действительно каждый день давали по большому пакету арахиса и требовали съесть все без остатка. Сначала он мне нравился, но через несколько недель так опротивел, что поедание его превратилось в настоящую пытку.

К сожалению, довольно скоро нам пришлось самим убедиться в эффективности лекарства, которое создавалось из нашей крови. Когда у Киры в очередной раз взяли очень много костного мозга, у нее на коже вдруг появились характерные пузырьки.

Гнилушка пошла в атаку. Но Кире дали лекарство, и дальше россыпи небольших прыщей на лбу, на животе и на ягодицах дело не пошло. Принимать капсулы нужно было каждый день. Прыщи не исчезали и не увеличивались, они как будто ждали своего часа.

Я страшно боялась, что Киру просто выбросят за ворота, раз она все-таки заболела. Но нет. Ей выдали огромный флакон капсул, усилили питание и продолжали тесты. Что они там тестировали, и что хотели найти – я не знаю. Но я была очень рада, что Кира со мной, и что ее лечат. Теперь мы оказались привязаны к базе еще крепче.

Однажды утром Кира, проглотив спасительную капсулу, вдруг сказала:

– Знаешь, а я ведь теперь тоже каннибал. И, возможно, я ем тебя. Я не сдержала своего обещания не есть тебя.

– Не выдумывай глупости! – ответила я. – С чего ты взяла, что ты каннибал?

– А ты помнишь определение каннибализма? – ответила Кира. – Каннибализм – это поедание частей тела представителей своего вида. Лекарство в капсулах сделано из человеческой крови, а кровь – это всего лишь соединительная

ткань, как хрящи или сухожилия. Значит, я теперь каннибал. И если в лекарстве, которое я сейчас принимаю, есть частицы твоей крови, значит, я ем тебя.

– Ну, и каннибальствуй, на здоровье, – ответила я. – Только не поддавайся гнилушке как мама!

Кира беззвучно заплакала.

К концу лета нам сказали, что ситуация настолько стабилизировалась, что нас переведут с военной базы в обычную медицинскую клинику. Мы все равно будем оставаться под круглосуточным наблюдением, но там будет большой сад, где можно гулять, бассейн, тренажерный зал. И еще мы с Кирой сможем продолжить образование. Я должна буду пойти в 11-й класс, а она – в 8-й. Мы были уже старше по возрасту, но эпидемия разразилась, как раз когда мы учились в этих классах.

Кира восприняла новость равнодушно, а я обрадовалась. Если мы будем учиться, значит, нас не хотят превратить в каких-то дойных коров, которые вместо молока дают кровь. Значит, мы когда-нибудь сможем вернуться в нормальное общество или хотя бы освоить какую-нибудь специальность.

Но я все же понимала, что надежды на возвращение нормальной жизни более чем призрачные. О ситуации за стенами базы нам, конечно, никто не докладывал, но из разговоров сотрудников можно было сделать вывод, что там далеко не все в порядке.

Постепенно мы с Кирой узнали, после того как схлынула

основная волна всеобщего хаоса и грабежей, мир преобразовался в новую структуру. Теперь есть хорошо укрепленные военные базы, типа нашей. Они все поддерживают связь друг с другом, на них царит жесткий порядок, ведутся исследования, хранится множество припасов.

Вне этих баз оставшиеся выжившие либо влачат жалкое существование, прячась по щелям, как крысы, либо сбиваются в разбойничьи банды. Женщин среди выживших очень мало. Молодых вообще единицы, а тех, кому за 50, чуть больше. Но все они бесплодны и ужасно изуродованы гнилушкой. Здоровые женщины, способные к рождению детей, сконцентрированы на базах, но и там их очень мало. Я с горечью отметила, что очень мало знала об этой жуткой хвори. Гнилушка оказалась ужасной женоненавистницей.

Обещанный переезд в клинику затянулся. Мы по-прежнему оставались на своей базе, хотя свободы нам предоставили чуть больше. Меня удивляло, что других сдающих кровь женщин куда-то увезли, а мы с Кирой продолжали жить в своих комнатах.

Теперь нам разрешали ходить, где вздумается, вместо опостылевшего арахиса стали давать то кешью, то кедровые орешки. Однажды дали здоровенную тарелку восхитительной макадамии, и велели все съесть. Она мне очень понравилась, но через несколько часов после такого угощения, кожа начала чесаться, и появилась сыпь.

Я сильно перепугалась, потому что вообразила, что у ме-

ня тоже началась гнилушка. Не успев как следует поразмыслить, я нажала на кнопку вызова медицинского персонала. Этими кнопками были оборудованы все кровати, столы и даже прикроватные лампы.

Через несколько секунд ко мне в комнату вошел медбрат. На базе не было ни одной медсестры – практически весь персонал состоял из мужчин. Несколько женщин я мельком видела на кухне. Все они были в возрасте и весьма дородной комплекции.

– У меня волдыри! – безо всякого вступления крикнула я, как только медбрат вошел в мою комнату. – Это гнилушка? Да?

– погоди, не тараторь! – спокойно ответил медбрат (из нагрудного бейджа я узнала, что его зовут Дмитрий). – У тебя вообще не может быть гнилушки. Ты не такая, как все.

– Но, вот же, вот! Видите! – я распахнула халат. За время бесконечных медицинских тестов и осмотров я совершенно перестала стесняться сбрасывать с себя одежду. Это приходилось делать почти каждый день.

Дмитрий слегка покраснел, глаза его заблестели. Он придвинулся к моей груди вплотную, почти уткнулся в нее носом, внимательно рассмотрел, осторожно провел по коже пальцами (меня удивило это легкое прикосновение – оно было совсем не похоже на то, как это делали врачи) и объявил.

– Никакая это не гнилушка. Ты просто слегка среагировала на новые орехи. Через пару дней привыкнешь. К хоро-

шему быстро привыкают. Успокойся.

– Вы уверены, что это не гнилушка?

– Конечно. Но, если хочешь, я позову доктора. И вообще, можешь называть меня на «ты».

Я с сомнением посмотрела на Дмитрия, запахивая халат.

– Неужели ты думаешь, что у тебя проморгают начало гнилушки? – с улыбкой сказал Дмитрий. – Тебе же почти каждый день анализ крови делают. Ты особенная! Тебя никакая гнилушка не берет.

После того как Дмитрий ушел, я еще долго не могла успокоиться. Я все еще ощущала осторожные прикосновения его пальцев. Из-за них противный зуд превратился в какое-то электрическое покалывание, которое можно было назвать даже приятным.

В голове опять прозвучали его слова, сказанные мягким баритоном: «Ты особенная!». Как бы в ответ на них я ощутила, как между ног что-то резко запульсировало, а потом меня бросило в пот. Этого еще не хватало! Я отправилась в душ.

Душевое и все сантехническое оборудование на базе было просто великолепным. Пожалуй, это единственно, что мне здесь нравилось на все сто процентов. И что самое удивительное: душевая кабина была оборудована не только множеством насадок и регуляторов, с помощью которых можно было менять температуру воды и ее напор. В ней были еще и цветные лампочки. И все это можно было включать и вы-

ключать как угодно.

А можно было просто нажать на кнопку и выбрать готовую программу. Тогда кабина сама делала воду то горячей, то прохладной, то превращала струи в колючие иглы, то лила воду широкой, плавной лентой. И все это сопровождалось переливами цвета.

Стоя под разноцветными потоками воды, я все думала о Дмитриии. Почему он вдруг так меня взволновал? И ведь он совсем не был в моем вкусе. Я ведь уже достаточно взрослая, чтобы понимать, какой мужчина мне нравится.

Начиная где-то с 8-класса, я была уверена, что мне нравится Ален Делон. Маме он тоже нравился. У нас было полное собрание его фильмов. Папа даже любил подшучивать над этим ее увлечением, и всякий раз, когда мама предлагала посмотреть какой-нибудь из его фильмов, папа, смеясь, напевал:

«Ален Делон говорит по-французски
Ален Делон не пьет одеколон
Ален Делон пьет двойной бурбон
Ален Делон говорит по-французски...»

Мама тоже смеялась, краснела, шутливо замахивалась на него и говорила: «Ой, да ну тебя, Слава!». А потом мы все вместе смотрели фильм. Обязательно по-французски. Мама была учительницей французского, поэтому нас с Кирой она приучила говорить на этом языке с самых ранних лет.

Дмитрий совсем не был похож на Алена Делона. Он был

высоченный, но не мясистый амбал, и не жердь, хотя плечи у него были узковаты для такого роста. Черные волосы и вечная мелкая щетина на щеках. Борода и усы у него росли так быстро, что он выглядел слегка небритым уже к обеду.

Лицо у него было немного асимметричное. Крупный нос с большими ноздрями слегка свернут набок. Одна щека чуть круглее другой. Уши тоже большие. Настоящий ушастик.

Я представила его себе через много лет, когда у мужчин начинают бурно расти волосы в носу и ушах. Получилось, что он будет похож на Чудо-Юдо Болотное Беззаконное с зарослями седых волос, пучками торчащими из большущих ушей. Нарисованная воображением картина показалась мне такой забавной, что я захихикала.

Удивительно! Я впервые смеюсь после смерти родителей. И рассмешил меня Дмитрий, даже сам не зная того.

Но ведь он мне не может нравиться. У него очень полные губы, тяжелая, чуть удлиненная нижняя челюсть (вообще-то, такой рот принято называть «чувственным», но именно такая форма мне и не нравится). А все лицо у него усыпано разноцветными родинками: черными, коричневыми и красноватыми.

Хотя, и у меня черных родинок довольно много. Потому-то они мне и не нравятся. И у папы были родинки. Много. А одна большая у него была на руке, и мама часто ее измеряла и все боялась, чтобы это родинка не стала изменяться. А папа отшучивался, и говорил, что если не думать о плохом,

то оно и не случится.

Да уж. Разве мы могли подумать о таком плохом, которое случилось на самом деле? А вот случилось же.

Мысли о Дмитриии посещали меня все чаще, но потом кое-что произошло, что сблизило нас по-настоящему.

Обещанный переезд

Обещанный переезд настолько затянулся, что уже настала зима, а мы все еще сидела на старой базе, и никто никуда не переезжал. Уроков тоже не было. Медицинскими тестами нас больше не терзали, но крови брали много. Но мы с Кирой были рады – по крайней мере, из нас больше не выкачивали костный мозг.

Кормили нас теперь по-разному. Мое меню было прямо-таки роскошным: свежие экзотические фрукты, всякая рыба, морепродукты. Пришлось даже научиться орудовать щипцами и вилками для крабов.

Делиться всеми этими разносолами с Кирой не разрешалось. Правда, ее тоже кормили очень хорошо.

Меня удивляло, что нам не запрещали общаться, и по-прежнему разрешали ей оставаться в моей комнате на ночь. Ведь она заражена. И не просто заражена, а болеет – ведь ей каждый день приходится принимать лекарство. Но нас не разлучали, и это было хорошо.

Жизнь стала более монотонной и скучной. А, может быть, мы просто стали привыкать? Или были слишком сыты? Кормили нас на убой и заставляли съедать все без остатка. Я даже боялась, что мы начнем жиреть, но нам поставили в комнаты по беговой дорожке, и каждый день нужно было пробегать заданную дистанцию.

Все это становилось похоже на жизнь двух мартышек ценной породы в зоопарке.

Новый год мы отметили скромно, хотя и получили небольшие подарки. А на базе произошли небольшие изменения.

После того как с базы убрали психолога-Айболита, на его место поставили женщину. Разговаривала она с сильным акцентом, звали ее Гиртдж Готфридовна Дийкстра.

Судя по имени, она была голландкой (интересно, остались ли еще разные страны, или после эпидемии их уже нет и все глобализовалось?). Лет ей было, наверное, под 60 (молодые женщины почти все погибли во время разгула гнилушки, основные выжившие были из старшего поколения), а внешность у нее была в высшей степени оригинальная.

Первое, что бросалось в глаза при взгляде на Гиртдж Готфридовну, это ее необъятные размеры. Лицо ее было похоже на огромную розовую грушу, в которую какой-то злобный шутник вставил круглые синие глаза, носик-пяточок и прорезал огромный жабий рот. Если бы не туго натянутая на подушках кожа, она бы была похожа на Джаббу Хата из «Звездных Войн».

Душеспасительные беседы с психологом были обязательной частью моей жизни на базе. И может быть, они могли бы быть полезны, если бы не оригинальные личности этих психологов: первый оказался «Айболитом», коллекционировавшим высокохудожественные кубки из человеческих че-

репов, а второй – Джаббой Хаттом. Иногда мне казалось, что гнилушка по какой нелепой случайности сгноила всех нормальных психологов, и оставила вот этих.

Беседы с Гиртдж Готфридовой Дийкстра давались мне нелегко. Она так невыносимо коверкала слова, что ее трудно было понимать. Не знаю, в самом ли деле ей настолько не давалось русское произношение, или она нарочно искажала звуки и старалась сделать их как можно более нелепыми.

После первых нескольких сеансов бесед Гиртдж Готфридовна переключилась на выполнение тестов. Мне приходилось рисовать какие-то глупые картинки, заполнять таблицы и анкеты. Некоторые из них были мне хорошо знакомы. Моя подруга Нина собиралась стать психологом и очень увлекалась всякими тестами. Она выискивала их в Интернете, и мы часто вместе их делали, проверяли результаты, а потом смеялись до слез, читая наши «психологические портреты» и рекомендации, которые выдавала программа.

Нину это занятие настолько увлекало, что она выполняла один и тот же психологический тест несколько раз, вводя разные ответы, до тех пор, пока не получала «хорошую» оценку. Довольно быстро мы научились с ней разгадывать эти подобию кроссвордов так, чтобы программа выдавала нам сообщение, что наше психологическое состояние стабильное.

Многие из этих тестов, или очень похожие, теперь мне предлагала высококвалифицированная, многоопытная, вы-

жившая в ужасной эпидемии профессионалка. Бьюсь об заклад, она когда-то набрала их с тех же ресурсов, что и Нина.

Все это время я считала Гиртдж Готфридовну достаточно безобидной, хотя и неприятной особой. Мне даже было немного совестно из-за того, что я отношусь враждебно (хотя и скрываю это самым тщательным образом) к человеку, который просто выполняет свою работу. В конце концов, она, как и я, выжила в эпидемии. Значит, вся ее семья, скорей всего, погибла ужасной, мучительной смертью.

Судьба забросила ее в далекую, чужую страну. Ее тело изуродовано ожирением и диабетом (ведь гнилушка не отменила «обычные» болезни). Наверняка она сама нуждается в психологической помощи, ей вообще не до меня. Но она выполняет свой профессиональный долг, как умеет. Нельзя смотреть на нее букой.

К тому же она не держит на полках кубков из человеческих черепов. Нужно быть с ней приветливой, хоть и почему-то не хочется.

И все же, несмотря на все эти размышления, я не могла отделаться от ощущения, что психологи кормятся моим несчастьем. Ведь счастливым людям не нужна помощь психолога, верно? К психологам обращаются только те, кто попал в беду, или у кого неприятности. А они проводят беседы и получают за это деньги. То есть их благополучие непосредственно строится из несчастья других.

Но сейчас все это просто досужие домыслы. Сейчас мы

все в одной лодке, и все – жертвы одних и тех же обстоятельств и одной большой беды.

Так я размышляла до нового года. Потом все изменилось.

Через пару дней, после того как мы с Кирой развернули свои подарки, Гиртдж Готфридовна во время очередного сеанса огорошила меня вопросом:

– Льеноочш-ш-ш-ка-а-а, а по-о-отшему ти нье с собою? – она так напирала на звук «р», произвоя его на французский манер, что казалось, что она звонко полощет горло, издавая противное бульканье «г-р-р-р!!!»

– Откуда вы знаете... – начала было я и осеклась.

Что за идиотский вопрос: «Откуда вы знаете?!»! Я же нахожусь на военной базе, да еще и во время всепланетного бедствия и войны всех со всеми. Конечно же, здесь ведется круглосуточное наблюдение за каждым квадратным сантиметром пространства.

И все же – какая гадость! Мир рушится, сотни миллионов гибнут, гниют заживо, а в еще оставшемся на плаву «Титанике» цивилизации кучка выживших военных круглосуточно сидит, прильнув к мониторам видеонаблюдения, и неотрывно следит за тем, как Лена и Кира справляют большую нужду, подтирают задницы, меняют прокладки, сморкаются, ковыряются в носу, чешутся, пускают газы...

И за всем этим следят не только люди в погонах – полученные видеозаписи еще и анализируются при помощи искусственного интеллекта, по ним составляются отчеты и про-

гнозы, а затем их сдают в архив, чтобы даже через тысячу лет эти данные можно было поднять и опять проанализировать.

Весь этот вуайеризм называется «обеспечение безопасности» и «сбор научных статистических данных». Видите ли, если хоть раз Лена или Кира приватно справят большую нужду и подотрутся без свидетелей, то это подорвет национальную безопасность и лишит науку бесценной статистики.

От этих раздумий меня оторвал булькающий голос Гиртдж Готфридовны:

– Каждая девушка твоего возраста должна следить за своим ментальным здоровьем. Это было всегда важно, а в условиях пандемии – особенно. Сексуальная гигиена укрепляет ментальное здоровье. У тебя есть какие-то психологические проблемы после изнасилования?

Я не успела придумать никакой отговорки и выпалила:

– Я просто не хочу!

Лицо Гиртдж Готфридовны расплылось в такой сальной улыбке, что мне стало жутко.

– Ах, прости, это мой недосмотр! Я совершенно забыла, что ты из того поколения молодежи, которое не получало адекватного сексуального образования. Видишь ли, в цивилизованных странах (она произносила это слово как «сифф-ф-филис-с-сованных») культуре самоудовлетворения детей учат уже в начальной школе. Для цивилизованного человека это так же естественно, как чистить зубы. Сейчас я тебе покажу, как это делается.

Услышав эти слова, я буквально оцепенела от ужаса. Я решила, что сейчас эта терзаемая диабетом туша распнет меня на гинекологическом кресле и начнет тыкать в самые чувствительные места мерзкими пальцами или какими-нибудь вибрирующими секс-игрушками.

Но, к счастью, ничего такого не произошло. Гиртдж Готфридовна всего лишь достала из ящика своего огромного стола высокореалистичный силиконовый муляж вульвы, затем вибратор, и пустилась в длинные объяснения, сопровождая их наглядной демонстрацией.

Я смотрела на эти манипуляции, с трудом подавляя позыв на рвоту. Мясистое лицо Гиртдж Готфридовны покраснело и теперь лоснилось в свете флуоресцентных ламп, как кусок сала. Лекция, очевидно, доставляла ей огромное чувственное наслаждение.

– Обязательно попробуй это сегодня же, – пророкотала, пробулькала Гиртдж Готфридовна. – А завтра утром напиши небольшое эссе о своих ощущениях, и мы его осудим. Ты не получала правильного сексуального просвещения, это нужно срочно исправлять. Ведь перед тобой блестящее будущее. Ты даже себе не представляешь какое! Ты особенная!

Действительно, не такое будущее я представляла себе пару лет тому назад. Я представляла себе поступление в МГУ на Факультет фундаментальной физико-химической инженерии или на Факультет иностранных языков и регионоведения.

Я никак не могла определиться между этими двумя, и усиленно готовилась по всем программам. Но гнилушка свела мое «блестящее будущее» к бесконечной сдаче крови, а теперь вот еще нужно будет изнасиловать себя вибратором под неусыпным наблюдением службы безопасности и написать эссе о своих ощущениях.

– Халлоу! Халлоу! Земля вызывает Леночку! – роко-чущий голос Гиртдж Готфридовны опять оторвал меня от мрачных мыслей.

– Хартелик данк! (Hartelijk dank – «спасибо») – брякнула я.

Я немного знала нидерландский, так как интересовалась языками. К тому же моя подруга Нина ездила с родителями на каникулы в Амстердам, и вернувшись оттуда, гордо обучала меня фразам из разговорника с видом бывалого путешественника.

Слова родного языка, пусть и сказанные с акцентом, как-то странно повлияли на Гиртдж Готфридовну. С ее лица внезапно сползла вся сальная мерзость, и оно стало человеческим: удивленным и бесконечно печальным.

– Хэц ис мэенхенухе! (Het is mij een genoegen! – «Не стоит благодарности») – пробормотала она, и ее глаза наполнились слезами. Теперь ее лицо можно было даже назвать красивым.

Но наше трогательное прощание ничуть не изменило ситуацию. Если я не хотела привлекать к себе дополнительно нездорового внимания, нужно было выполнить «домаш-

нее задание» с вибратором, который мне любезно “подарила” психолог. И ведь я даже соврать не могла, что, мол, все сделала. Озабоченная моим сексуальным просвещением туща, наблюдала за мной через секретную видеокамеру.

Игры с вибратором

Вечером я попросила Киру отправиться спать в свою комнату.

– Но почему? Я боюсь без тебя! – начала было Кира, надув губы.

– Кира, пожалуйста, не спрашивай! Просто сделай, как я прошу!

Мое лицо так болезненно искривилось, что Кира заподозрила что-то неладное.

– Хорошо! Не расстраивайся! Я сделаю!

Я крепко ее обняла и выпроводила из комнаты.

Я сидела в темноте на кровати, держа вибратор в руках. Конечно же, темнота не спасет меня. Высокотехнологичная система видеонаблюдения четко показывает все происходящее в комнате.

Я рассеянно то включала игрушку, то выключала. Неужели мне придется это сделать?

Почему-то все связано с сексом, вызывало у меня жуткое отвращение. Ведь из-за секса со мной и произошло тогда это мерзкое изнасилование. Мужики хотели молодого женского тела, а я попала под горячую руку. Да чтоб этот секс провалился вместе с теми, кто его придумал!

Моя семья придерживалась консервативных взглядов, и мы с Кирой были воспитаны в так называемых «традицион-

ных ценностях». Конечно, и я, и она знала о всяких современных радостях «цивилизованных» людей, но представить себе не могла, что мне придется познавать эти радости в том ключе, в котором я его познала.

Наверное многие изнасилованные женщины всегда несут в себе этот груз. Он со временем не исчезает, хоть и боль притупляется. После того зверского насилия, я зареклась, что никогда и ни с кем больше не буду заниматься сексом. Тем более, по доброй воле.

Психологичка завела эту тему не просто так, она явно видит, что со мной что-то не так. Но какого же черта она лезет в мою душу? Разве не понятно, я просто пытаюсь выжить, вот и все! Кому сейчас нужны чужие проблемы? Сидела бы и дальше перебирала свои бумажки, писала отчеты и рисовала со мной кружочки. Зачем же пытается сковырнуть больное?

Еще и вибратор дала... Я всегда думала, что подобные штуки для извращенцев... Чего ей от меня нужно? Хочет посмотреть, как я сама себя удовлетворяю? Неужели, сейчас в этом мире остались исключительно одни озабоченные извращенцы? Или ей действительно нужны какие-то данные о моем сексуальном здоровье?

И вот я стою перед выбором: или сделать, как велят, или устроить бунт, который неизвестно, чем закончится. Может быть, меня накачают успокоительным. А может быть, нас с Кирой просто вышвырнут за ворота, и мы с ней быстро закончим как Нина.

Да уж! Ситуация, как в анекдоте: «Смерть или мачача! – Чем так жить, лучше уж смерть! – А смерть у нас только через мачача!».

Я прикоснулась вибрирующим тараканьим усиком к запястью. Меня тут же всю передернуло от отвращения. Словно снова меня касаются руки тех ужасных подонков...

Понимаю, что эта вещичка безобидная и не будет меня насиловать или бить. Но меня бесит, что я вынуждена делать это ради прихоти какой-то старой ведьмы.

Беда еще и в том, что я терпеть не могу мелко вибрирующих предметов. Уж не знаю почему. Некоторых тянет на рвоту, когда кто-то скребет железом по стеклу, а меня вот всю прямо выворачивает, когда я держу в руках работающий погружной блендер или электрическую зубную щетку.

Кстати, когда я сказала персоналу, что мне неприятна электрическая зубная щетка, и нельзя ли мне дать обычную – мне без малейших затруднений выдали целый набор обычных щеток разной жесткости и разного размера. Одна красивее другой.

А тут – на тебе! Пришла беда, откуда не ждали.

Ну, что же! Как говорится, перед смертью не надышишься. Надо прекращать тянуть кота за хвост и приступать.

Я опять прикоснулась тараканьим усиком к запястью. Опять меня передернуло, а к горлу подкатил комок. Я с трудом подавила рвоту. Если блевану, то это проблему не решит, а только усугубит.

Похоже, что я все-таки дошла до ручки. Не могу. Будь что будет.

Я легла на кровать и с головой укрылась одеялом.

А может, попробовать симулировать оргазм? Тут я вспомнила, как во время последнего школьного праздника по поводу окончания учебного года Юлька (первая красотка и самая большая стерва в классе) увлеченно хвасталась девчонкам, как она теперь посещает курсы сексуального мастерства, как их там учат всяким техникам, и в том числе симуляции оргазма. «Женщине, не умеющей качественно симулировать оргазм, вряд ли удастся сделать хорошую карьеру в модельном бизнесе», – с видом бывалой бандерши вещала Юлька.

Праздник проходил на теплоходе. Мы плыли по Москве-реке, разряженные в пух и прах, играл живой оркестр, сияли разноцветные гирлянды.

В буфете подавали только детское шампанское, и меня это вполне устраивало. Но мальчишки ухитрились протащить на борт настоящее спиртное, и под конец праздника Юлька, похоже, решила продемонстрировать двум парням свои умения, которые она освоила на курсах.

Я с Ниной как раз зашла в дамскую комнату, когда из кабинки неслись сладострастные охи, ахи и громкие стоны Юльки, сопровождаемые мужским пыхтением.

Нина захихикала, ткнула меня локтем в бок и, давясь от смеха, прошептала: «Интересно, это она «качественно симу-

лирует», или взаправду ее так разобрало?». Я тогда только фыркнула.

Может, мне тоже попробовать «качественно симулировать»? Хуже-то уж точно не будет.

Я засунула выключенный вибратор под подушку, поплотнее с головой закуталась в одеяло, став похожей на кокон (только мне это казалось не коконом прекрасной бабочки, а пупарием навозной мухи, в которую мне предстояло сейчас превратиться), начала извиваться и постанывать. Ну, точнехонько навозный пупарий перед вылуплением!

Я почувствовала, что у меня начинается истерика: я извивалась все сильнее, взвизгивала и, наконец, разрыдалась. Дальше притворяться было бессмысленно. Этот проклятый звук словно возвращал меня в тот день, когда множество мужиков надругались надо мной и избили до полусмерти.

Если психолог хочет, чтобы я перестала вспоминать те ужасные моменты, о которых она немного наслышана, то с ее стороны очень глупо наступать мне на больные мозоли.

Я рывком вытащила проклятушую вещицу из-под подушки, сбросила с себя одеяло, села на постели. Потрясая работающим вибратором над головой, я заорала срывающимся голосом: «Гиртдж Готфридовна, я знаю, что вы сейчас смотрите! Эт-т-т-о дейстф-ф-фит-т-тельно по-о-от-т-тр-р-ряс-с-сающий фибр-р-рат-т-тор-р-р-р! Каждой девочке нужен такой для сексуальной гигиены и ментального здоровья!»

Выпалив этот монолог, я изо всех сил швырнула игрушку.

Она ударилась о стенку и разлетелась на тысячу осколков. Я без сил упала на подушку.

Все кончено. Я провалила представление. Мне вспомнился любимый папин анекдот про двух ковбоев, убирающих навоз. Папа всегда его так смешно изображал в лицах.

Суть была такая: Джек и Билл убирали навоз. Вдруг Джек и говорит: «Билл, а спорим на доллар, что я вот эту кучу навоза сейчас съем!» Ударили по рукам, и Джек хрям-хрям-хрям – быстренько кучу навоза в себя затолкал. А Биллу так жалко стало доллар отдавать, он и говорит: «А спорим на доллар, что я вот эту кучу съем!» Поспорили, и Билл быстренько слопал кучу. Джек почесал затылок и говорит: «Слушай, Билл, выходит, что мы просто за бесплатно дерьма нажрались!»

Я сейчас чувствовала себя точно как Джек. Нажралась дерьма, и ничегошеньки не исправила. Можно было просто гордо плюнуть в наглую рожу Гиртдж Готфридовны и наговорить ей побольше гадостей (может, удалось бы найти те слова, которые кольнули бы ее в самое облепленное холестериновыми бляшками и изжеванное диабетом сердце и довели бы до инфаркта). Результат был бы тот же, но я бы могла вообразить себе, что сохранила хотя бы крупицы собственного достоинства.

Хотя разве сейчас такое понятие как «человеческое достоинство» имеет хоть какой-то смысл? О «сохранении достоинства» можно было говорить в те времена, когда краса-

вещ-граф делал непристойное предложение чистенькой крестьяночке. Та, сохраняя достоинство, отказывалась (не даю поцелуя без любви, не дарю любви без венца), и он насильовал ее в миссионерской позиции. Она опять, сохраняя достоинство, говорила «нет», и оставалась зарабатывать тяжким трудом на пропитание себе и младенцу с тонкими аристократическими чертами. Возможно, быстро умирала, надорвавшись на работе, но до самого конца сохраняла человеческое достоинство.

А в наше время, если я не буду делать то, что мне велят, то на меня даже пули тратить не будут. Вышвырнут за ворота, где я сначала буду реветь, как свинья на бойне, пока меня будут до смерти насильовать, затем мое мясо сначала превратят в бифштексы, а потом в дерьмо. А из черепушки чувак кубок сделает, и какой-нибудь богатея украсит им свой интерьер в пентхаусе или в рабочем кабинете. Именно это произошло с моей лучшей подругой. Почти то же самое случилось с моим отцом. Только мама избежала этой участи, сгнив заживо.

Что будет завтра?

Меня напичкают успокоительными, от которых я быстро превращусь в такую же желеобразную тушу, как Гиртдж Готфридовна?

Дабы преподать мне урок перестанут давать таблетки Кире, и она сгниет заживо на моих глазах?

Нас обеих вышвырнут с базы, потому что мы строптивные, неблагодарные дряни, и «на воле» нас оприходуют мароде-

ры? С этими мыслями я впала в какое-то болезненное забытье.

Жуткая жизнь

Проснулась я поздно. Очевидно, меня не разбудили в положенное время и оставили спать, сколько влезет. Такое отклонение от стереотипного режима сразу же ввело меня в состояние ужаса. Ну, вот! Началось!

Я метнулась в комнату Киры. Ее там не было.

Вернулась к себе, села на кровать и тупо уставилась перед собой. Совсем как Кира после убийства Нины мародерами.

Я оглядела комнату. Осколков вибратора нигде не было видно. То есть персонал зашел и тихонько все убрал, пока я дрыхла. Значит, наверное, нас не собираются выгонять? Но где же тогда Кира? Что с ней?

Немного позже обычного мне подали обед. На этот раз тележку с едой катил Дмитрий.

При виде парня у меня внутри разлилось тепло. Я пыталась отогнать от себя эти проклятые ощущения, которые могли напомнить мне о случившемся в нашей квартире, но предательское тело вело себя странно, и совершенно независимо от моего желания.

– Проголодалась? – весело спросил он.

От его голоса у меня по телу пробежались мурашки. Боже, что это такое? Что со мной?

Я ничего не ответила, только хмыкнула что-то невнятное.

Блюда были даже роскошнее обычного: суп из акульих

плавников (я его очень любила); порция утки по-пекински; фруктовый салат; какое-то диковинное пирожное. Я мрачно принялась за еду.

– Что смурная такая? – спросил Дмитрий.

– Бурная ночь была! – буркнула я.

Дмитрий лукаво подмигнул мне, и у меня почему-то стало чуть легче на сердце.

– А где Кира? – спросила я.

– На анализ крови отвели. Ее таблетки усовершенствовали, хотят снизить концентрацию, поэтому теперь будут ежедневно анализ крови делать, чтобы видеть, все ли в порядке.

Я с облегчением вздохнула и стала уписывать роскошные яства за обе щеки.

Чуть позже меня отправили на обычный сеанс к психологу. Гиртдж Готфридовна сразу развеяла мои страхи.

– Вот видишь, как замечательно! – заявила она, едва я уселась в кресло напротив нее. – У тебя прекрасный темперамент и мощный потенциал. Тебя ожидает блестящее будущее, головокружительная карьера, если только сама все не испортишь.

– Первое впечатление всегда самое сильное, – продолжала разглагольствовать Гиртдж Готфридовна, – а с твоим темпераментом, особенно. Вчера твоя игрушка сломалась. Не беда! Вот тебе новая. Играй каждый день. Это полезно для ментального и сексуального здоровья. Если сломаются, ты получишь другие.

И с этими словами она протянула мне огромную подарочную коробку, завернутую в роскошную, блестящую бумагу с коронами и геральдическими лилиями.

– Да, да, Гиртдж Готфридовна, – бубнила я, прижимая к груди подарок, – Обязательно.

Говоря это, я лихорадочно пыталась вспомнить, направление взгляда в какую сторону психологи считают доказательством лжи. Но голова шла кругом, и дурацкая таблица (вправо вверх – лжет; влево вверх – говорит правду), над которой мы так много смеялись вместе с Ниной, совершенно вылетела у меня из головы. Тогда я начала крутить головой и вращать глазами. Вид у меня был настолько идиотский, что Гиртдж Готфридовна снисходительно улыбнулась.

– Терпение, мой друг! – пророкотала она. – У тебя будет еще время вдоволь наиграться с новыми игрушками. А сейчас давай-ка выполним тест, – и она протянула мне уже хорошо знакомый тест Роршаха с чернильными пятнами.

Вернувшись в свою комнату, я сначала хотела грубо сорвать изумительно красивую оберточную бумагу, но вспомнила, что Кира делает из оберток оригами, и осторожно развернула подарок, стараясь сохранить упаковку.

Из большущей коробки я достала еще один прекрасный шоколадный набор и большой футляр. Собственно, это был даже не футляр, а великолепная серебряная шкатулка в стиле Фаберже, украшенная эмалью и сверкающими камнями. Вещь была действительно настолько красивая, что несколь-

ко минут я сидела и любовалась ею, забыв обо всем на свете.

– Ух ты! – раздался над ухом голос Киры. – А от тебя Дед Мороз никак не отстанет! Опять подарки принес! Классная штука!

– Да уж! Класснее не придумаешь, – ответила я, подняла глаза на Киру, и замерла в ужасе.

К набору синеватых прыщей первой стадии гнилушки, дремлющих на ее бледных щеках, добавилась еще пара на подбородке. Они были свежими, красными с беловатыми головками.

– Кира, лекарство... – только и смогла прошептать я.

– А, ты про эти, – Кира беззаботно ткнула себя пальцем в подбородок. – Это ерунда. Они сказали, что это обычные, подростковые. Это не гнилушка. Гнилушка под полным контролем. Это просто «девочка созрела», как в песенке поется. Но кровь теперь будут брать утром и вечером. Скоро они всю кровь из меня выпьют, вампиры ненасытные, – и она захихикала.

Я обняла ее и крепко прижала к себе.

– Ты меня раздавишь, – запищала Кира смешным голоском, тоже обнимая меня и одновременно пытаюсь высвободиться из моих рук.

– Прости! – сказала я. – Хочешь обертку? Смотри, какая красивая!

– Кла-а-асс! – только и смогла протянуть Кира. – Даже жалко сворачивать в журавликов. Я из нее лучше скатерть

сделаю для тумбочки.

Когда Кира ушла к себе, я открыла шкатулку. Крышка поднялась с мелодичным звоном. Внутри в нишах из какого-то гладкого и удивительно приятного на ощупь материала, покоились два роскошно оформленных вибратора.

Один был той же конструкции, что я разбила вчерашней ночью, а другой представлял собой какую-то хитроумную психоделическую загогулину.

В набор кроме зарядных устройств входила еще и миниатюрная брошюрка с картинками, поясняющими, как надо этими штуками пользоваться. Прямо-таки вибро-Камасутра.

Я взяла обе игрушки, легла в постель, накрылась с головой, засунула штуковины под подушку, немного поерзала и поахала, изображая требуемый от меня процесс, а потом заснула.

Несмотря на то, что засыпала я уже в относительно спокойном состоянии духа, кошмар мне в ту ночь приснился жуткий. Снилось мне, что я сижу в кабинете у психолога, а беседу ведут Гиртдж Готфридовна и Айболит.

Гиртдж Готфридовна в моем сне окончательно превратилась в Джаббу. К тому же у нее было множество щупалец и каждом из них она держала какую-то гнусную секс-штуковину, утыканную зубами, шипами и истекающую склизкой, зловонной смазкой.

Айболит был в своем обычном виде, но в руках он дер-

жал кубок, который вместо чаши венчала голова моего отца. Верхние кости черепа были сняты, и был виден еще живой, медленно пульсирующий мозг. Голова беззвучно шевелила губами и смотрела на меня полными муки глазами.

Я сидела в кресле, и, как это бывает в кошмарах, не могла ни убежать, ни пошевелиться.

Джабба-Гиртдж сняла с себя “костюм” и превратилась к Коляна, который меня тогда избивал и насиловал больше всех, а потом обещал вернуться и забрать с собой, чтобы за-трахать до смерти.

У меня перехватило дыхание. Айболит превратился в одного из его подручных и вот я уже снова нахожусь в своей квартире, даже не успев заметить, как сменилась локация.

Они оба глухо болботали что-то насчет ментального и сексуального здоровья, которое мне необходимо поддерживать, чтобы сделать успешную карьеру в новом постпандемическом обществе.

Колян предлагал сперва оттрахать меня, а потом съесть, а второй возражал, что живой я могу более полезна, что меня можно использовать многократно.

– Соскучилась по мне? – повернулся ко мне Колян, – Иди сюда, милая шлюшка! – в его руках был кубок с головой моего отца, и этот факт еще больше вгонял меня в ужас.

– Не-е-ет! Нет! Ни за что! – завизжала я. Но ни сдвинуться с места, ни отбиваться я не могла.

И тут голова папы уставилась на меня мутными, белесыми

глазами и хрипло зашептала:

– Лена! Еленочка! Сделай, как они говорят!

– Не-е-ет! – я просто надрывалась от крика.

– Пожалуйста! Сделай это ради меня, ради мамы, ради Киры! Ты должна выжить! Выжить любой ценой! Мы столько ради этого вместе с мамой работали! Сделай это ради нас! Выживи! – настаивала голова.

– Нет! – продолжала кричать я. – Я не хочу, я не могу так выживать! Я хочу, чтобы все это закончилось! Чтобы этого всего не было! Чтобы меня здесь больше не было! Пусть они исчезнут, или пусть просто убьют меня! Я не хочу больше жить в этом мире!

– Лена! Пожалей нас с мамой – выживи, – продолжала хрипеть голова.

– Пожалей отца, сделай, как он просит, – хором сказали Айболит и Джабба-Гиртдж, появившиеся рядом с моими насильниками.

– Не-е-ет! – заорала я, как только могла громко, и тут Айболит вместе с Джаббой-Гиртдж засунули мне в раззявленный рот вибратор. Я захлебнулась криком, и перестала дышать.

– Лена! Лена, проснись! – кто-то осторожно тряс меня за плечо.

– Не-е-ет! – застонала я.

– Просыпайся! Просыпайся, давай! Тебе снится что-то страшное!

Медбрат

Я рывком села на кровати и вытаращила глаза. Когда туман в голове немного рассеялся, я узнала Дмитрия.

– Выпей воды! – сказал он, поднося к моим губам термо-стакан-непроливайку.

Я сделала несколько глотков и отстранила от себя стакан.

– Что тебе такое снилось? – спросил Дмитрий.

– Не скажу, – испуганно ответила я. – Вот режь меня сейчас на этом месте, но я не скажу.

– Успокойся, – мягко сказал Дмитрий, – Не буду я тебя резать. Если такая гадость снилась, то забудь скорей. Ведь это просто пустяки, просто сон, этого нет и не может быть.

– Хотелось бы мне, чтобы этого не могло быть, – вздохнула я, – Но уж очень оно похоже на то, что есть.

Дмитрий взял меня за плечи.

– Тебя всю трясет, – с этими словами он провел ладонью по моей спине. Лицо его вдруг стало сосредоточенно-изумленным.

От его прикосновений меня словно прошибло током, а внизу живота закружились бабочки. Я уже не могла блокировать эти ощущения и мне хотелось их испытывать снова и снова.

Мне было жутко стыдно перед парнем, казалось, что он мог заметить мой конфуз, когда мы находимся рядом. Но он

вел себя как настоящий медик, и вроде бы, не реагировал на меня также, как и я на него. И это было немного досадно. Он чуть-чуть подвинул меня и стал внимательно ощупывать кровать.

– Вставай, – наконец сказал он. – Нужно сменить простыни. Похоже, и матрас тоже. Ты мокрая вся, как мышь. Нельзя спать в таком болоте, иначе что-нибудь еще гаже приснится.

Эти слова вызвали у меня настоящий приступ паники. Меня бросило в жар, я покраснела до корней волос, и меня затрясло еще больше.

– Я что, надула в постель? – в ужасе прошептала я.

– Нет, что ты! – заулыбался Дмитрий. – Это просто проливной ночной пот. Такое бывает у подростков, особенно, когда снятся кошмары. Ты же еще из подросткового возраста не выклевалась!

– Мне уже 19, – пробормотала я, – Будет...скоро...почти...

– А хоть бы даже и обдулась, – продолжал Дмитрий, – Так что с того? Я – медбрат. Я всякого навидался, и это моя работа – менять обдутые и обосратые простыни. Как говорил наш профессор, который преподавал нам курс гнойной хирургии: «Медицина, ребяташки, – это кровь и говно! А кому это неприятно, так тех вон из профессии!». Славный был дядька, царство ему небесное! Так что ничего страшного, и незачем впадать в панику. Дуй, сколько влезет, вернее, сколько выльется! – и он тихо засмеялся.

Звук его смеха меня несколько успокоил. Я вылезла из мокрой постели и прошлась по комнате, шлепая по теплому полу босыми ногами.

– Иди, обмойся под душем, прежде чем менять ночнушку, – посоветовал Дмитрий, снимая с кровати насквозь пропитанные потом простыни.

– Надо же! Как ты только не растаяла вся, как Снегурочка! – бормотал он. – Одеяло тоже все промокло. Проще принести тебе все новое. Иди в душ, я сейчас вернусь. Рубашку тоже давай сюда, чтобы я все кулем унес.

Я сняла мокрую, липнущую к телу рубашку, свернула ее. Дмитрий тем временем уже скатал всю постель в огромный свиток.

– Клади ее сверху, – сказал он. Его голос звучал приглушенно из-за огромного тюка.

Я положила сверху еще и аккуратно свернутую рубашку и пошла в душ.

Когда я вышла из душа, Дмитрий занимался перестиланием постели. Он притащил все новое: матрас, простыни, подушки, одеяло. Свежую ночную рубашку он повесил на спинку стула. Я натянула ее на себя, вздрогнув от приятного прикосновения чистой, мягкой материи к только что вымытой коже, и спросила:

– А как ты стал медбратом? Такая профессия среди мужчин вроде бы не особо популярна.

– Вообще-то, я учился в медицинском, – ответил Дмит-

рий, аккуратно и очень ловко расправляя простынь, – Хотел стать хирургом. Но знаешь, медики ведь все военнообязанные. К тому же сначала эпидемия, а потом настоящая пандемия. Не выдуманная олигархами для выкачивания денег на свои оффшоры, а настоящая – когда умирают миллионы в течение какого-нибудь месяца. Нас всех мобилизовали. Мы мотались по всему миру от очага к очагу. Просто голова кругом шла: из Москвы в Новую Зеландию, из Новой Зеландии на Аляску, с Аляски в тропическую Африку. Думал, что с ума сойду. Коллеги, солдаты тоже все вокруг заражались и умирали.

В конце концов, прислали на эту базу. Но несмотря на то, что за время пандемии я вроде как дослужился до младшего лейтенанта, и я вроде как почти хирург с почти законченным образованием, меня поставили сюда медбратом. Могли бы и получше для меня применение найти, но возражать нельзя.

– А что, медсестер не нашлось? – спросила я.

– Женщин сейчас вообще почти не осталось, – ответил Дмитрий. – Особенно молодых. В основном выжили те, кто старше 50. Но почти все, кого я видел, так изуродованы гнилушкой, что на них страшно смотреть. Знаешь, эти первые язвы, которые появляются на щеках?

Я кивнула. Конечно же, я знала эти самые первые признаки заражения: цепочка небольших синеватых прыщей, тянущаяся от уголка рта к уху.

– Так вот, у большинства выживших женщин, эти язвы про-

едают щеку насквозь так, что зубы торчат. Опухолей безобразных на лице тоже полно. И знаешь, некоторые опухоли выращивают на себе что-то вроде зубов, прямо как тератомы, только все это снаружи. Так что выжившие женщины и на людей-то почти не похожи. Мужиков тоже гнилушка уродует, но женщин – особенно сильно.

– С мамой такого не было, – прошептала я.

– У нее, скорей всего, была скоротечная форма, когда мышцы превращаются в подобие прокисшего творога. Во-нища стоит ужасная, но особой боли человек не испытывает. Умирают через несколько дней после появления первых высыпаний.

Тут он обернулся и посмотрел на меня. Я стояла бледная как мел.

– Ой, прости, – сказал он смущенно. – Я со своими медицинскими лекциями. Не нужно было этого говорить.

– Да, ничего, – сказала я, – все именно так и было. Когда мама была при смерти, папа запирал нас с Кирой на кухне, зажигал ароматические свечи и затыкал все щели под дверями тряпкой. И строго-настрого запрещал высовываться. Сам за ней ухаживал. Но он не заразился. Он умер от инфаркта вскоре после смерти мамы. А с бабушкой и дедушкой мы связь потеряли еще в самом начале локдаунов. Их телефоны просто перестали отвечать. Они тоже, наверное, умерли.

– Скорей всего, – согласился Дмитрий. – Хотя, может и выжили. У тебя генетическая комбинация уникальная. А

ведь это их гены. Где они жили?

– В Березняках. Они там дом купили, когда на пенсию вышли.

– Тогда, наверняка погибли и без гнилушки. В подмосковных деревнях там такое творилось, когда все полетело к чертям.

– Ладно, – сказал Дмитрий, – Вот тебе чистая постель, ложись, давай, хватит полуночничать.

– Я не хочу, – пробормотала я. – Я тупо боюсь.

– Не выдумывай, если не хочешь на курс снотворных нарваться, – одними губами прошептал Дмитрий. – Я, конечно, тебя не сдам, но ведь кроме меня других полно.

У меня задрожали губы, глаза налились слезами.

– Ой, только не начинай! Пойдем, что ли по коридору пройдемся, может, тогда угомонишься.

Мы вышли в коридор. Место это было весьма унылое: белый пол, белые стены, бесчисленные запертые белые двери (что там за ними – я не знала), неприятный яркий свет флуоресцентных ламп. Но мне было приятно шагать рядом с Дмитрием.

Он чуть приобнимал меня, чтобы я не упала, а внутри у меня все вибрировало и тряслось. И это явно было не последствие сна. Со мной происходило что-то невероятное, никогда раньше я не испытывала сексуального возбуждения и кажется, это было именно оно.

Я понимала только одно: хочу испытывать это еще и еще.

И только рядом с ним я могу что-то подобное чувствовать. Дмитрий был, словно катализатор. Спусковой крючок, после которого начинались это невообразимые процессы в теле.

Да, такое даже психологу не расскажешь... Ни сестре, ни кому-то еще из персонала. Единственная подруга, с которой я могла бы потрещать на эту тему, моя соседка Нина, никогда больше не сможет поговорить со мной.

Мы прошли мимо нескольких дверей, наконец, он открыл одну из них, и мы очутились в какой-то комнате, похожей на кладовку. В ней стояло множество стеллажей и аккуратно разложенными на них полотенцами, стопками простыней, еще каких-то вещей. Дмитрий встал у одного из стеллажей и поманил меня к себе. Я подошла.

– Знаешь, это место не просматривается их камерами, – шепнул он мне на ухо. – Здесь они нас не видят.

Самая не зная почему, я внезапно привстала на цыпочки, обвила его шею руками и поцеловала в покрытую щетиной щеку. В ответ он страстно поцеловал меня в губы.

Я неожиданно для самой себя потянулась руками к его ширинке и нащупала там что-то твердое как камень. Дмитрий весь задрожал, но сделал над собой усилие и перехватил мои руки, поднес их к своим губам, нежно поцеловал пальцы.

– Пошли назад, – прошептал он, – А то заметят, что нас нет. Тогда такое начнется!

– Не хочу... – настойчиво сказала я, – Никто нас не хва-

тится, ночь ведь! Обними меня, я так чувствую себя в безопасности...

Наше потайное место

Дима был на пределе, я это чувствовала. И когда я первый раз коснулась его члена, он так сильно покраснел, что внизу моего живота неожиданно стало тепло...

Меня переполнило чувство нежности и чего-то еще, ранее неизведанного. Я ощутила, как по телу распространяться сладкая истома. И мне сначала было не понятно, что со мной происходит. Но я понимала одно: меня к нему безумно притягивает.словно магнитом! Всего лишь одно касание к его члену, загло во мне невообразимую бурю ощущений!

Когда я дотронулась, взяв его мужское достоинство в ладошку, он занервничал и даже попытался слегка отстраниться, хотя этот порыв длился всего лишь одну секунду.

Меня просто распирало от нежности и симпатии к этому парню. Меня распирало любопытство, были ли у Димы до меня девушки, или он получает со мной самый первый свой сексуальный опыт. О своем проклятом опыте мне даже вспоминать не хотелось в этот момент. Все плохое ушло на второй план, словно это было и не со мной вовсе.

– Тебе нравится, когда я тебя касаюсь? – наивно спросила я.

– Очееееень, – скромно отозвался Дима. Он явно был сконфужен и сильно нервничал опасаясь, что нас заметят.

Я с наслаждением играла с его членом, и мне хотелось раз-

глядеть его ближе. Недолго думая, я присела на корточки и стала разглядывать при тусклом свете его великолепный орган. От него безумно вкусно пахло и он так манил к себе.

не знаю почему, я прикоснулась губами к его члену, а Дима дернулся, словно я его ударила током. Я вытащила язык и провела вокруг головки.

Помню, как мужики просили меня просто лизать их воюющие члены, и как наслаждались этим процессом. Сейчас мне не было противно, и даже наоборот, мне хотелось ласкать языком этого молодого и красивого парня.

– Ты сводишь меня с ума! – простонал Дима.

Меня порадовали его слова, и мне хотелось сделать ему еще приятнее. И когда я впервые взяла его член в рот, все тело парня дрожало. Он кончил уже через несколько секунд, удивив меня этим.

– Прости... – прошептал он, пока я проглатывала его семя. – Не удержался. У меня никогда такого еще не было...

– Тебя никто не ласкал ртом? – переспросила я.

– Никто... – отозвался он.

Мы долго обнимались с ним, а потом он отвел меня обратно в комнату, уложил в постель, подоткнул одеяло и молча вышел.

Я заснула почти сразу, но сон все равно был тревожным. На этот раз мне мой усталый мозг воспроизводил что-то похожее на финал фильма «Дом, который построил Джек».

Мне снилось, что я бегу на звенящим от воплей грешни-

ков коридорам ада, а где-то вдалеке за мной бежит убийца Джек с огромным ножом в руках. А я все бегу, бегу и размышляю про себя, как курица из анекдота: «А не слишком ли быстро я бегу? Может, пусть догонит, и все мои проблемы, связанные с необходимостью выживания, решатся одним махом? Ведь Джек высокоинтеллектуальный убийца, а не просто мразь с вибратором».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.